

Надежда человечества и отчаяние жертвоприношения. Красные цветы цветут внутри её двух пронзённых глаз.

Сны, которые ей снились пока она спала, были всегда такими тёплыми и яркими. Беготня по лужайке, тихое посапывание котёнка на её коленях. Спина её отца, лакомства, испечённые её матерью, ряд из цветочных горшков в теплице... Её ночные сны всегда отличались от тех, что она видела при рассвете дня.

‘ Как странно. ‘ - думала Халуа каждый раз, когда просыпалась из-за яркости в середине дня. Всё, что она забывала пока бодрствовала, она могла видеть в своих снах. Они казались такими чёткими, даже если их уже и нет...

Её мать и отец погибли в аварии. Котёнок, конечно, мог быть всё ещё жив, но его уже можно было бы и перестать называть "котёнком" спустя столько времени. Уже два года прошло с того момента. Она была уверена, что сейчас в этом доме с теплицей уже живёт другая семья.

Всем что у неё теперь осталось, был Эмиль, который играл с ней в догонялки на лужайке. Её младший брат близнец был единственным, кто всегда был вместе с ней с момента её рождения - все прошедшие десять лет.

"Ты уже проснулась, Халуа?"

"Учитель..."

Яркие, тёплые воспоминания исчезли без следа. Она уже даже не могла и вспомнить, что ей вообще снилось.

"Ты вся вспотела. Возможно, это будет хорошей идеей для тебя сменить свой гардероб на летний в скором времени."

Учитель достала платок из своего кармана и использовала его, чтобы вытереть пот со лба и шеи Халуа. После она разбудила Эмиля, спящего около неё.

"Просыпайся тоже, Эмиль. Время перекуса."

"Что будет на этот раз, учитель?"

' Снова? ' - думала она, услышав про сухое печенье и какао. Сухое печенье, рисовые крекеры, бисквит: это было единственным, что им давали как угощение. В конце концов это было всего лишь "специальное учреждение" и у неё больше не было матери, которая делала бы для неё разные закуски на каждый день. Халуа знала, что не имеет даже смысла задаваться об этом вопросом.

Но дети обожают лёгкие закуски, что бы они в итоге не получили. Если они назывались "сладостями", то они будут счастливы, думали взрослые. У неё не оставалось никакого выбора кроме, как притворяться, что она точно такая же.

Эмиль, в отличие от Халуа, был "дитём-придитём". Как и обычно он сегодня расставлял со счастливой улыбкой на лице сухие печеньюшки в форме букв на свой тарелке и старался решить какое-же съесть первым перед тем, как наконец-то засунуть хоть одно в рот.

Сухое печенье не было таким уж и вкусным, но смотрев за тем, как Эмиль ел его, она задавалась вопросом, может быть они были такие же на вкус, как и те, которое готовила раньше её мама. Почувствовав из-за чего-то раздражение, Халуа постаралась сказать что-то, звучащее по-сестрински.

"Не играй со своей едой."

"Но..."

"Также ты неправильно составил слово. Ты пропустил "е" вот здесь."

В этом объекте "специального назначения", Халуа и Эмиль не обучались на их родном языке. Язык здесь был японским. Последний раз, когда Халуа и Эмиль обучались на языке их матери, был больше, чем два года назад. Это было естественным явлением для Эмиля забыть, как правильно писать.

"Смотри, вот как правильно надо."

Халуа взяла печенье формы "е" со своей тарелки и переложила на его. Эмиль широко заулыбался.

"Ты такая крутая старшая сестра, Халуа."

Учитель, держа чашку кофе, улыбнулась. Во время подобных перекусов она всегда сидела за одним и тем же столом, как Халуа и Эмиль, попивая кофе и разговаривая с ними. Если это была её смена в рабочее время, то они будут и есть вместе тоже. Иногда она даже читала им книги вечером перед сном, а по утрам она всегда приходила, чтобы разбудить их. Она была им как настоящая мать.

"Я была единственным ребёнком в семье и так завидую вам двоим."

Была ли это на самом деле правда? Она взаправду так думала? Они даже ни разу не покидали этого учреждения, проводя каждый скучный день лишь здесь. Они прожили таким образом уже два года. Что тут было такого, чему можно было бы завидовать?

Сперва наперво, в этом учреждении не было ничего, что можно было бы назвать нормальным. Халуа, которая любила читать книги, знала, как выглядят приюты для сирот, которые принимали детей без родителей.

Множество детей собирались в одном напоминающем школу здании, стояло по несколько кроватей на одну комнату, десятки детей, обедающих одновременно в большой столовой...

Раньше она была в комнате с шестью другими детьми, когда её впервые приняли сюда. Было много детей, кто был одного и того же возраста, как и она. Они также обедали вместе в одной и той же большой столовой. Может быть вот, что бы вы смогли назвать нормальным приютом для сирот. Но один за одним, дети, с которыми она разделяла комнату, исчезали, а за ними приходили стабильным потоком новые дети. И это никак нельзя было назвать нормальным.

В конце концов, так как Халуа и Эмиль говорили на другом языке, в отличие от других детей, их перевели в это место и дали им свою личную комнату.

Думая об этом сейчас, это также выглядело странным. Не то, чтобы Халуа и Эмиль совсем не говорили на японском. На самом деле, с того момента как их перевели сюда, у них были

занятия каждый день, и они проводились не только на японском.

Даже сами по себе эти занятия были весьма подозрительными. Они не были похожи на те, что можно было бы увидеть в школе. Всё что они делали — это отвечали на вопросы перед машиной. Это было больше похоже на тестирование, чем на уроки. Иногда, эти "занятия" даже больше казались сплошным дурачеством и напоминали больше игры, чем тесты.

Что-то было определённо странным на счёт этого места. Они редко могли заметить других детей помимо себя. Единственными другими людьми в здании были взрослые, носящие белые халаты, как у учителя.

"Что-то не так?"

Учитель посмотрела на Халуа встревоженным взглядом, которая встала ни с того ни сего. Она забежала за спину учителя и зарыла своё лицо в её спину.

"Мама..."

Она могла слышать тихий смех. Учитель встала со стула и развернулась, чтобы обнять Халуа.

"Ты такая разбалованная, Халуа."

Рука, которая гладила её волосы, была нежной. Она немного напоминала руку её настоящей матери.

"Это нечестно! Я тоже хочу!"

Она могла услышать, как встаёт Эмиль, и голос, говорящий "хорошо, хорошо", сопровождаемый смехом.

‘ Эй, учитель. Ты ведь же на нашей стороне? Могу ли я верить в то, что ты отличаешься от остальных взрослых? ’

Её тщательно выглаженный халат слегка отдавал химикатами. Моя мама никогда так не пахла, думала Халуа. Это всё из-за этого запаха, что она никогда не могла полностью доверять ей? Или, возможно, так было, потому что учитель на самом деле думала об одном и том же, как и другие взрослые?

"Ты ведь любишь меня?"

"Конечно я люблю тебя, Халуа. И тебя тоже, Эмиль."

‘ Тогда будь на нашей стороне. Не предавай нас... Защити меня. ’ - Халуа повторяла это снова и снова в своей голове, плотно прижимаясь щекой к закрытой белым халатом груди.

После её вечернего измерения температуры и прослушивания всего одной главы прочитанной для неё книги, пришло время ложиться спать. Вот и ещё один длинный и скучный день подошёл к концу.

Несмотря на то, что все дни были наподобие этого, Эмиль всегда продолжал улыбаться. Он считал проплывающие мимо облака в окне, стучал случайным образом по клавишам пианино в

углу комнаты и рисовал одни и те же картинки на бумаге снова и снова.

Эмилю даже и не приходили мысли о том, что это мог бы оказаться приют для сирот, который ты мог бы найти в рассказах, где обязательно происходило что-то плохое.

Для Халуа это было одновременно и облегчением, и источником беспокойства. Она хотела, чтобы Эмиль продолжал улыбаться. Но не могла ничего поделать на счёт того, как беззащитен он был. Поэтому Халуа думала, что должна быть внимательной за них обоих, относиться с осторожностью ко всему вокруг.

Что за "занятия" у них были в тот день, что они поели и выпили, какой тип взрослых они повстречали сегодня, о чём они говорили. Она хотела записывать всё это на бумагу, чтобы не забыть ничего, но не могла. Они скорее всего находятся под наблюдением.

Когда они только прибыли сюда, она намерено притворилась, что её левый глаз болит. Когда она была совсем одна в своей комнате, она специально жмурила и давила на свой левый глаз, будто он болит. Конечно же она хранила это в секрете от обоих, и Эмиля, и их учителя.

На следующий же день, её глаз был тщательно обследован, не смотря на факт того, что никто по идее и не должен был знать, что она делала, когда была наедине с собой.

"Ты не спишь, Эмиль?"

"Хммм?" ответил сонный голос. Она мягко вытянула руку и коснулась руки Эмиля.

Когда их перевели в это здание, предполагалось что они будут находится в отдельных комнатах с Эмилем, но она настояла на том, что они не могут заснуть если находятся порознь. Проплакав целую ночь, им в итоге разрешили разделять кровать вместе.

‘ Будь осторожен. Не доверяй взрослым. ‘

У неё не получилось сказать это вслух. Она была уверена, что кто-то подслушивает их прямо сейчас, но она сильно желала, крепко сжимая его руку. Очень сильно желала иметь способность передавать свои мысли ему, просто подумав о чём-то.

В этот день у неё было плохое предчувствие, которое началось ещё с самого утра. Что-то казалось совсем не таким.

Когда учитель сказала, что вместо их утренних занятий им нужно будет пройти медицинский осмотр, предчувствия сменились на уверенность. Ничего хорошего не стоит ожидать после этого осмотра.

Когда она подумала об этом, то вспомнила, что, когда ещё была в первом здании, несколько детей всегда исчезали после так называемой "проверки здоровья". Это случилось после того, как они прошли подобный "осмотр", когда их перевели сюда. Возможно, их держались здесь относительно определённого установленного оптимального времени, чтобы переводить детей затем ещё куда-то. Их могли опять перевести в другое здание. Их могли разлучить с учителем.

"Что такое, Халуа? Ты себя плохо чувствуешь?"

Придя в себя, она заметила, что стоит перед учителем, у которой был встревоженный взгляд. Рука, которая дотронулась до её лба, чтобы проверить есть ли жар, была такой успокаивающей, что она чуть не расплакалась.

"Учитель, я..."

‘ Я не хочу снова переезжать в другое место. Я не хочу, чтобы со мной что-то сделали. ‘ - но она не смогла выговорить это. После всего в ней всё ещё присутствовала часть, которая не могла полностью довериться учителю. Она могла называть её "Мамой" и быть балованной ею, но глубоко внутри она всё ещё не могла полагаться на неё.

Халуа изумлялась тому, на сколько Эмиль не был обеспокоен на счёт этого медицинского осмотра. Сдача крови была нормой. Это было немного больно, но она сразу понимала, что именно они делают.

Но когда они присоединяли холодные, напоминающие присоски штуки по всему её телу и подсоединяли её к незнакомым машинам, то она находила это тяжело терпимым. Как например когда они засунули её в коробку, сделанную целиком из разных механизмов. Тогда она просто хотела взять и вырвать все шнуры из присосок и убежать.

Но как только она начинала думать, что больше не может выносить подобное, осмотр наконец-то заканчивался и один из взрослых говорил ей, что та может возвращаться назад в свою комнату.

Но сегодня отличалось от других случаев. После того, как присоски и шнуры, присоединённые к её телу, были удалены, они сказали ей идти в следующую комнату и переодеться в одежду для исследования. Кроме того, Эмиля, который должен был быть в той же комнате, не было.

Встревоженная, она начала всхлипывать, и женщина в белом открыла дверь, чтобы поторопить её. Это была неприятно выглядящая женщина, которая одновременно напоминала учителя и нет.

Соседняя комната была огромной и совсем пустой. Странные узоры были нарисованы на стенах и полу, и лишь большое кресло одиноко стояло в центре комнаты. Толпа взрослых в белых халатах стояло вокруг этого кресла. Один из них сказал ей сесть в него. Не дав ей даже и ответить, другой взрослый заставил Халуа сесть. Кресло было металлическим и очень холодным.

"Не напрягайся так. Мы обнаружили во время обследования, что у тебя очень серьёзное заболевание."

Голос был нежным, но она не знала какой из взрослых это говорил. В какой-то момент ей завязали глаза. Она пыталась сорвать эту повязку, но её руки и ноги уже были прикованы.

"Если тебе не сделать хирургию немедленно, чтобы удалить это, то твоя жизнь будет в опасности."

‘ Это всё ложь. ‘ - думала она. Со мной всё в порядке. У меня ничего не болит и даже нет никакого жара. Мой живот в порядке и у меня нет кашля.

"Эмиль! Где ты!?"

"Мы не можем позволить инфекции распространиться, поэтому Эмиль вернулся в свою комнату. Нет причин для беспокойства."

Это не то, о чём я беспокоюсь. Я должна вытащить Эмиля отсюда, сейчас же!

Она неистово звала Эмиля по имени, но вскоре впала в отчаяние. Её рот закрыли чем-то и как сильно бы она не старалась кричать, никто не смог бы услышать...

Она могла унюхать запах антисептика. Было холодное касание и после её рука заколола от боли. Ей что-то вкололи. Когда её встревоженный крик затих, она могла расслышать только отрывок из беседы взрослых.

"Это должно быть уже шестой раз. Мы не можем больше терять образцы..."

"Нет. В этот раз у нас всё точно получится."

"Если у неё останется хотя бы немного самосознания, то этого уже должно быть..."

О чём они говорили? Что они имеют в виду под "шестым"? Что можно понимать об "останется хотя бы немного"?

"Даже если мы и провалимся, то у неё же есть брат, так ведь? У близкого родственника тоже должны быть схожие параметры."

Она могла чувствовать, как её кровь застывает в её жилах. Они собирались убить её. И Эмиля тоже.

‘ Помогите, учитель. Спасите Эмиля! ‘

Крик так и не смог материализоваться и всё, что приходило после, было только тьмой.

Халуа слышала голос, зовущий её по имени. Это были ни её мама, ни папа. Это также не был голос учителя.

Кто бы это мог быть? Эмиль называл её только "Сестрой". Ох, точно. Это, наверное, один из взрослых звал её. Она была уже сыта всеми этими занятиями. Хотя всё же они и не были так уж и плохи, как например медицинские осмотры. Подождите... разве она только что как раз не проходила через один из них?

Да, когда она возвращалась в её комнату после... Нет, она не возвращалась? Она была неспособна это сделать!

В одно мгновение, её воспоминания вновь промотались. Халуа подскочила. Она оглянулась вокруг. Это была та самая комната. Та, что со странными узорами на стенах и полу... Но что-то казалось не таким как раньше.

"Халуа. Ты понимаешь меня?"

Она повернулась в направлении, откуда исходил голос, но там никого не было.

"Я здесь."

Голос шёл в этот раз с другой стороны. Она повернулась снова, но там опять никого не было. Казалось бы, что она могла слышать только их голоса. Это случилось тогда, когда она осознала, почему чувство, что что-то было не так, не покидало её.

"Замечательно! Это успех."

Игнорируя все голоса, Халуа посмотрела вниз. Пол был так далеко. Конечно — всё это время,

она была так высоко, что это сильно мешало ей. Это было похоже на то, будто бы она была помещена на что-то очень громоздкое, но её всё равно не покидало странное чувство. Она понимала, что это не являлось изначальной причиной.

Ноги были похожи на кости скелета, которые она видела ранее только в иллюстрациях энциклопедии. То же самое было и с руками, их цвет напоминал тот, что был и у сгнившего дерева. Её торс был во что-то обёрнут, и она едва ли могла разглядеть его.

‘ Что... что это? ’

Она попыталась избавиться от вещи, в которую она была обёрнута, но она была слишком туго стянута.

‘ Рука... двинулась? ’

Медленно, она попыталась поднять руку. Она поняла, что может двигать ей по своей воле. Она вытянула руку и подвигала пальцами. Большой палец, указательный, средний...

‘ Может... может ли быть? ’

Станный голос продолжал говорить про что-то, как "Экспериментальное оружие #6", "Надежда человечества", но ей было совершенно всё равно.

Она попыталась встать, но не смогла сдвинуться. Тогда она и поняла, что эта вещь, обёрнутая вокруг неё и есть её настоящее тело.

‘ Нет! Нет! Это не моё тело! ’

Халуга попыталась освободиться. Она хотела сбежать как можно дальше; убраться отсюда. Вылезти из этого тела. Она беспомощно молотила своими ногами.

Бестелесный голос сменился на успокаивающий.

‘ Заткнись! Заткнись! Заткнись! ’

Она стучала по стене со всей своей силой. “Остановись”, услышала она запаниковавший голос, но у неё не было никаких намерений подчиняться. Она ударила стену ещё раз. Почувствовав тяжёлую реакцию в своих руках с притуплённой болью, она наконец-то осознала полностью.

‘ Это... моё тело. Эти чудовищные руки и ноги принадлежат мне. ’

Неуверенно, она положила руки на своё лицо. Оно безусловно не чувствовалось человеческим. По факту, она даже не знала можно ли это вообще назвать лицом. Всё что она теперь знала, это то, что она больше не была человеком.

‘ Я больше никогда не смогу увидеть Эмиля. Если он теперь увидит меня, то испугается и убежит, без сомнений. Эмиль же такой трусишка... ’

Думая об Эмиле, она вспомнила кое-что ещё: слова, "Даже если мы и провалимся, то у неё же есть брат, так ведь? У близкого родственника тоже должны быть схожие параметры."

Взрослые в белых халатах также говорили, "Что это уже шестой раз." Голос до этого также говорил что-то про "Экспериментальное оружие #6". Это значит, что других пять детей в прошлом, тоже насильно превратили в это.

Может быть, дети из первого здания, в которое её в первый раз перевели, постепенно исчезали, потому что были использованы как объекты для такого типа экспериментов над человеком. Из них же, выбирались только те дети, у которых были способности, чтобы стать экспериментальными оружием, и направлялись в другое здание.

Похоже, что Халуа была их первым "успехом". Это значило, что теперь они наконец-то полностью изучили процедуру и последовательность, с которой смогут создавать их. И её брат близнец, Эмиль, он также подходил...

Лицо Эмиля всплыло в её сознании, его невинная, ничего неподозревающая улыбка. Она должна спасти его. Эта мысль превратилась в зверскую силу.

Разорвав то, что сдерживало её, Халуа смогла наконец-таки встать. Она с силой выбила дверь в углу комнаты. Прежде всего она должна выбраться отсюда, но с её нынешним телом, она никогда не сможет пройти через эту дверь, сделанную только для людей. Поэтому она попыталась сорвать вместе с дверью, и стену.

Начала звучать аварийная сигнализация. Жалюзеподобные металлические ставни начали закрывать все стены. В спешке Халуа попыталась остановить их своей рукой, но что-то по типу невидимой силы отталкивало её.

Немного подумав, она поняла, что была "оружием". Она была монстром с силой настолько опасной, что, просто ударяя по стенам, могла вызывать разветвляющиеся по ним трещины; просто ударив один раз, она уничтожила целую тяжёлую твёрдую дверь. Никто не будет настолько глупым, чтобы позволить ей выбраться наружу. Дикие животные должны быть закованы и держаться в клетках.

Эти металлические ставни, возможно, являются частью какого-то типа специальной системы. Что-то, что даже "Экспериментальное оружие" не смогло бы уничтожить.

Внезапно, комната была погружена во тьму. Освещение было выключено. Тревога прекратилась и всё утихло. Она была заперта. Они остановили тревогу, потому что решили, что Халуа не сможет выбраться.

Она попыталась дотронуться до стен снова. Это было похоже на синий фейерверк, выпускаемый во тьму. Тело Халуа принимало на себя всю мощь этой силы, отталкивающей её назад.

‘ Я не сдамся. Я собираюсь защитить Эмиля. Я просто не могу сдаться! ‘

Её руки, ноги, всё тело скрипело, в нём раздавалась невыносимая боль. Внезапно в её обзоре всё побелело. Что-то набухло и взорвалось.

И вдруг, её тело стало таким лёгким. Сопrotивляющаяся ей сила наконец-то исчезла и её конечности освободились. Теперь было и не так уж темно и не сильно светло. Халуа стояла при совершенно нормальном освещении.

Раздался пронзительный аварийный сигнал, который привёл её в чувство. Стена осыпалась. Она выбралась наружу, но никто даже и не пытался заблокировать её путь. Они возможно даже и не ожидали, что Халуа сможет сбежать из этой комнаты.

Может быть, они даже и не представляли, что ей удастся вырваться из своих оков. Халуа вспомнила запаниковавший голос, который приказывал ей ранее остановиться.

Стальные задвижные стены были там, где начинался коридор, но по сравнению с той необычной стеной ранее, они были словно бумага. Халуа легко пробилась через них и продолжила продвигаться вперед.

‘ Я должна уничтожить всё - всё, что есть в этом сооружении. Я не позволю им превратить Эмиля в монстра. Я должна избавиться от всего, что имеет хоть какое-то отношение к этому экспериментальному оружию. ‘

Зверская сила переполняла её изнутри. Выпуская её наружу, она превращалась в лезвие, разрезающее всё вокруг неё. Просто посмотрев на стену, преграждающую ей путь, та сгорела в массе пламени. Просто пожелав этого, она могла уничтожать вещи любым из интереснейших способов.

Теперь, когда её больше нельзя было назвать "человеком", она сделала умозаключение, что заполучила и нечеловеческие способности. Эти взрослые люди пытались использовать эту силу, чтобы сражаться с чем-то? Они думали, что могли использовать послушных детей, потому что так было удобнее для них?

Взрослые в белых халатах отступали в панике посреди обломков и облаков пыли. Она не могла позволить сбежать даже одному из них. Халуа схватила ближайшего к ней и раздавила. Как перезревшие фрукты, они просто лопались в её руках, не оставляя почти никакого следа.

‘ Где же Эмиль? И что на счёт учителя? Может быть, она забрала Эмиля и сбежала. ‘

Нет, учитель так не поступила. Она знала, что здесь происходило; знала, что брат и сестра росли здесь для того, чтобы те в итоге могли быть превращены в монстров. Ведь всё-таки она тоже была одной из взрослых. Она была не более, чем просто их добрым зрителем.

В какой-то момент, она появилась перед ней. Нося всё тот же белый халат, как и всегда, она стояла и смотрела на Халуа.

‘ Я хотела доверять ей. Я была так счастлива, когда она говорила мне, что любит меня. Я любила слушать её голос, когда она читала мне. ‘

Губы учителя задвигались. Она, казалось бы, звала Халуа и говорила, что ей очень жаль.

‘ Но я не могу простить тебя! ‘

Она была так зла, что почти потеряла контроль над собой. Её сердце дрожало, будто бы то готово взорваться. Что-то взывало к тому, чтобы стереть её...

Со всей своей силы, она скосила всё, что стояло перед ней. Белый халат откинуло прямо в стену, окрасив всё в красное.

‘ Лгунья! Я ненавижу тебя! ‘

Халуа всхлипывала и кричала, но ни слёзы, ни звук не выходили наружу. Но она всё равно продолжала плакать. Он всё ещё кричала.

Пока она была занята этим, то смогла разглядеть себя, отражавшуюся в закалённом стекле. Её лицо, круглое с красными глазами, было похоже на то, какое бывает только у монстра. Но почему то, она больше не ощущала печали. Оно даже выглядело комичным. Совсем не это было её причиной, почему она грустила и почему плакала...

‘ Беги, Эмиль! Беги как можно дальше отсюда, туда, где нет взрослых в белых халатах и нет учителя, нет никого. ‘

Как же много времени уже прошло? Было такое чувство, будто прошли дни, но всё же прошло всего лишь одно мгновение. Всё что было в помещениях этого учреждения было сравнено до кучки щебня. Будет ли достаточно если уничтожить всё это? Она надеялась на это.

"Сестра?"

Она задавалась вопросом, не прислышалось ли это ей. Никто не будет называть монстра, как она, сестрой. Она развернулась. Это был Эмиль, без сомнений. С печальным выражением лица, он вытянул свою руку.

Совсем позабыв о том, как она сейчас выглядит, Халуа поспешила к нему.

‘ Мы должны убираться отсюда прямо сейчас, Эмиль. Давай вместе сбежим куда-нибудь подальше отсюда. ‘

Она хотела подбежать ближе к нему, но её ноги больше не двигались. Они начали превращаться в камень. То же случилось не только с её ногами, но также и её целое тело начинало окаменевать.

Естественно, в этот момент, если бы она захотела, то смогла бы запросто освободиться от процесса окаменения. Она понимала это. Это не заняло бы много сил. Но...

"Сестра, я..."

Эмиль уже тоже был превращён в оружие, как и она. Он выглядел точно также как и раньше, но ему были даны ужасающие глаза, которые превращали в камень всё что угодно, на что бы он не посмотрел.

‘ Я не справилась, я не смогла защитить тебя. Я хотела, но... ‘

Что-то начало дёргать за струны её сердца снова, и она смогла почувствовать, что оно потихоньку успокаивается. Был ли это гнев? Или же печаль?

"Прости меня."

Теперь всё будет в порядке.

Халуа улыбалась. Её лицо уже превратилось в камень, и она даже не знала, может ли она вообще показывать хоть какие-то эмоции с этим лицом. Её человеческий разум постепенно куда-то ускользал. Она понимала это.

"Твоя магия слишком сильна, так что... они сказали, что ты должна быть запечатана, потому что это слишком опасно. Прости меня."

Просто смотреть на лицо Эмиля, которое было на грани слёз, было невыносимо больно.

‘ Пожалуйста. Постарайся и преврати меня в камень ещё сильнее. Если ты этого не сделаешь, то я сразу же выберусь. Не позволяй мне больше проснуться снова... ‘

В каких цветах она будет видеть сны теперь, когда превратится в камень?

Зовущий её издалека голос Эмиля становился всё тише. Халуа постепенно сдавалась
холодному сну...

<http://tl.rulate.ru/book/53123/1341941>